

ПЕРЕМЕНЫ 勿

ПРОЕКТ PDF-ПОЭЗИЯ PEREMENY.RU.
Книга Пятнадцатая

ПАВЕЛ РЫБКИН

= Вольники =

В очереди

– Мне, пожалуйста, “Кент” единичку,
чекушку и семечек.

“Семечек –
незачем”, –
прикидываю по привычке.

– Да, чуть не забыла – и “Туборг”.

“А вот это – поступок!” –
мысленно,
хотя сам стою почти за тем же
(за исключением чекаря,
что, мозг отчасти бодря,
чести, впрочем, не тешит).

– Тань, – продавщица, –
ну ты куда-нибудь поступила?

Нехило!
Эта малая, стало быть,
постоянный клиент:
мне, пожалуйста, “Кент”,
водочки...
Да,
простите,
набор был приведен
полностью,
верно, еще в “Ригведе”.
(Куда это я,
откуда вдруг столько пыла?!)

– Конечно, – отвечает, –
я поступила.

– Куда?

– В ИМЦ.

Принц
на белом коне,

уже где-то скачет за ней,
и будет не позже,
чем в среду.
Господи, ну и рожа!
Легко ведь могло показаться,
что впрямь – лоха...

– И что же
такое ИМЦ?
– В принципе
чепуха:
просто – аббревиатура.

(Надо же – и даже совсем не дура!)

– А полностью –
Институт мировых цивилизаций.

Недаром, выходит,
лезли в башку “Ригведы” –
как выстрелило!
Я – чуть не плачу.
Она –
пристально
пересчитывает сдачу.

– Тань, – продавщица опять, –
кем же ты будешь у нас теперь?

И следом:
– Регионоведом.

30 июля 2004

Магазин подарков

Вот человек, который придумал «Телепортапки».

«Одна здесь» – написано на левом.

«Другая там» – а это на правом.

Браво!

Стоит, машет лапкой,

Доволен даже.

«Вы посмотрите, плиз,

Может, уже в продаже?»

«Уже – продались».

Вот человек, который придумал кухонный фартук.

Для жен пикетчиков. Для людей-бутербродов.

«Банду драников под суд!» – жирно, спереди.

«Чипсы! Вон из Росси!» – а это сзади.

Человек представлен к правительственной награде?

Нет, такого не ждал он форта.

«Ну а кроме шуток: чего там?»

«Не приняты даже в работу».

Хорошо.

Человек придумал корочку на права:

«Я всегда ПРАВА!»

Ну, это нормально.

Вери гуд.

Уже продают.

Человек придумал тарелку: «Здесь был Шницель».

Это надпись на дне,

В стиле скала, Алупка.

И не надо мне

Надувать здесь губки.

Победил вчистую: вени унд види унд вици.

Еще было: «Борщ и Рассольник здесь были».

«Каша + Масло = литера Л.»

Но с этим он пролетел.

Не оценили.

И тогда человек написал книжку.

«Джакомо Казанова. История моей жизни».

Просто обложка,
Внутри – ничего.
Такая вот фишка,
Такая, что ли, игра немножко.
Конечно,
Одни покупатели бывают покладистей,
другие – капризней,
Но этот блокнот
Оч. хорошо разбирает народ.

Ничего, что внутри ничего.
Ничего, что внутри – пусто.
Все равно ведь это он сочинил, наш человек,
а не тот – Казанова.
Именно это свежо и ново.
И все чисто
даже с точки зренья юристов
И самого Минюста.

Можно записывать имена, телефоны.
Явки, пароли.
Можно описывать вздохи и стоны
Таты и Оли.
Можно вообще набросать стихи.
Эти вот,
Например
(окончанья немного съедены,
И какой-то странный размер).

Вот человек. Тут и к знахарке
(Или гадалке?)
не ходи:
Ясно же, что он выдумывает и продает подарки.
Елки-моталки!
Ну а что у него впереди

Как у... Э-э-э... Хотелось сказать «поэта»?
Не надо об этом.
Он давно уже все для себя решил.
«Телепортапки», фартуки, «Здесь был Шницель» –
Сюда и закачивается весь пыл,

А по странице

бежит какая-то колбаса,
крива и коса.
И на полях возникают не женские ножки-головки,
Но опять же – халаты
(распахиваешь – а там, на полах, с изнанки,
Автоматы, гранаты, винтовки –
«Я твоя!»),
«Штрафбаттл» – для опоздавших на пьянку,
И так далее: ля-ля, тополя.
Не стихи, конечно, но и не скажешь,
Что – суррогаты.

Потому что – берут и читают.
Покупают и пользуются. Чего ж еще?
Если совсем говорить общо,
Пусть хоть трусы с наволочками листают,
Если от книжек тошнит.
И тем заодно жив будет и наш пиит.
И может быть, даже не он один,
А целая плеяда.
Так что и впрямь: об этом – не надо!

Дар – он ведь если ниспослан,
То сразу же после
Надо его как-нибудь вбросить в мир.
Можно и совершенно буквально:
В виде – подарков.
Ленточки, бантики, все такое.
И оставьте в покое
бедных проныр.

Главное, чтобы не – в стол.
Талант – он же все-таки
не обол.
Обол – это история про переправу.
А ведь рано еще.
Человеку надо быть здорову.

Не в слезах сидеть и посапывать,

И тем более не рубить –
Сук.
Кому дано –
для тех есть одна заповедь:

Сбыть –
С рук.

Друзья!
Приглашаем вас всех в наш магазин подарков!

30 марта 2010

+ + +

Не надо.
Не бросайте
В меня за эти куплеты
Камнями.
Я и так уже грустител.
Захожу. Читаю. Всего на сайте
257 722 поэта.
Из них
1425
Сейчас в сети.

Не надо.
Не бранитесь
На меня за эти кривые строчки.
Я и так уже крепко припух.
Оглядываюсь. Припоминаю.
Что ни автор, то в шкуре тигровой – витязь.
Классики, лауреаты, нобелиаты.
Короче –
сплошной триумф.

Не надо.
Если прочтете,
Просто – не надо.
Я и так давно уже ниже травы.
Принюхиваюсь. Прислушиваюсь.
Все сходится: да – в полете.
Не фарс с буффонадой,
А – только бы не завыл.

Необитаемый остров.
Конечно, очень суровый.
Но раз живем – значит, можно жить.
В роли главных монстров –
Тире и апостроф
Как знаки невозможности слова.
Любого.
Ну, так и быть.

Ни спереди и ни сзади
Этого не обойти:
257 722 – всего на сайте.
1425 - сейчас в сети.

А прочая братия –
В хрестоматиях.

Может, для начала зарегистрироваться?
«Давай!» – ободряет выродца
(рифма из классиков)
Хор.
Тот и сам не видит особых сложностей.
Сложности – вздор.
У нас ведь тут на редкость простой разговор:
о невозможности
 говорения
С самой этой невозможностью
 Говорить.

Называется –
«стихотворение».

30 марта 2010

Зеленый театр

В зеленом театре паводок.
Затопило зеленый театр.
Сцена, буквально
как остров, встает
Натурально –
в пучине вод,
в айсбергах снежных тиар.
Слева – лужа. А справа так
И вовсе надо бы вплавь.
Не метафора –
Явь!

В зеленом театре паводок.
Обрывки каких-то грамоток
Вмерзли в остатки льда.
Афишки, наверно.
С тех, пор как сюда
Еще заглядывал зритель, остались:
даве, давеча, давесь.
По словарю
говорю.
И добавляю: тогда же и вмерзли.
На правах водоросли.

Снежной была зима.
А театр – он стоит, задвинутый
На дно котловины тут.
Вода потекла сама,
когда началось таянье.
Все просто. Все просто.
А и не
Надо мудрить. Не надо.
Сосны кругом – как ограда.
И шишки с сосен бултых,
Отраженью прямо под дых.

В зеленом театре паводок.
Скамьи в первых рядах
Наполовину утопли.

С веткой пацан
(не видать лица,
Но явно, что утирая сопли),
Сидит на корточках,
В курточке,
И ворошит – вот забава-то! –
В воде прошлогодний прах.

Подмостки – они вроде замка.
Кругом – водяной ров.
А ведь было дело – на санках
Катались между рядов,
И ударялись о сцену –
Головой
или коленом.
Было –
Да сплыло.

В зеленом театре паводок.
Сказано же – залило.
Ставим точку и, типа, khalyava.doc –
Как название файла.
Или все-таки залило?
Не язык – помело.

Почему – халява?
Вы совершенно правы:
За вход
Денег никто не берет,
А пьеса
Очень даже
не лишена интереса.

В идеале б еще перед сценой –
Оркестровую б яму,
И в ней – музыкантов-утопленников,
И чтобы прямо
Из водно-ледового плена,
Из самой толщи
росли смычки,
колосились грифы, цвели колки.

«Да вы только посмотрите на него!
Еще двенадцати нет, а он уже тепленький!»
Ничего.
Это простительно. Ничего.

Потому что в зеленом театре паводок.
Подушки в окрестных домах
сохнут без наволок,
в пятнах маминой хны.
Разгар
весны.
И хорошо, что актеры
Вернуться нескоро.

Ты и сам, если сможешь,
Можешь
взойти на подмости
и обратиться к пустому залу.
Хлестко
Или же вяло, –
Высоким штилем
Или же низким штормом –
Это как повезет,
Но главное, что по всей форме:
Из
глубины
Вод.

И плевать, что скамейки
заполнить нечем.
Пусть стоят себе в три ряда,
Ну да:
Три такие клавиатуры по склону –
Как огромные ксилофоны.
И опять это не метафора,
А – серьезно.
И слышно, слышно, как сосны,
перебирая за рядом ряд,
теньями по ним
и по зрителям,
таким же, как тени, сомнительным,

Сухим
Стаккато
Стучат.

4 апреля 2010

+ + +

Можно ли что-нибудь стоящее
наскрести,
Если в духе «От двух до пяти»?
Юмор в коротких штанишках
не слишком
хорош.
Но что если – в дрожь?
Впрочем, неважно совсем:
Сыну уже – семь.

Вот он стоит на балконе,
Пускает мыльные пузыри
В свете вечерней зари,
Дня, так сказать, на склоне.
И явно не напрягая лобные,
Иногда говорит им вслед:
«Целое поколение лопнуло».

И в лобных у папы –
свет!

Лопнуло...
Выдох, летят.

Лопнуло...
Влажен взгляд.

Еще один выводок.
После еще и еще.
И папа чувствует, что прощен.
Узнать бы – за что, но –
надо оно?
Прощен.
И ладно.

Как с облаков – вид городов и сел,
Настрой – самый высокий.
И сын отцу говорит, что – все.

А?!

«Устали щеки!»

На линейке

Что понравилось?
Как ни смешно – гимн.
Наш монструозный гимн
Никогда не был таким,
Страшно сказать, трогательным.
В грохоте ли
Меди вся сила?
В громе ли голосов?
Давно постыло
Это вот все.
Но – не вот это вот:
Гитара (не строит),
Скрипка (я бы советовал
Подстроить тоже),
Хор:
В этот день непогожий
Учителя славят отечество невпопад,
Стоя
На крыльце, как на сцене.
Среди зрителей шепотом говорят:
«Смотри, у нее на подошве ценник».
«Забыла отклеить?»
«Да ей ведь
По барабану,
Просто в туфлях такой высокий подъем...»
«Хватит уже.
Лучше давай подпоем».

Что понравилось?
Фунтик.
Из плотной бумаги кулек.
В путь им
(Первоклассникам?
Ясенько!)
Приготовили выпускники.
Значит, прикинь:
Сверху – сухарики,
В самом низу – зефир.
Мол, так устроен мир,

Все равно ты – маленький
Или уже подрос.
Символ как будто бы прост.
В ученье – как в жизни:
Прежде чем что-то реально вызнать
И добраться до сладкого
Надо разгрызть гранит,
От которого рот саднит.
Дети, однако,
Так набросились на сухари,
Что видно было:
Не озарил
Их тайный смысл знака.
Корки – они ведь еще слаще
Зефира,
Если праздник кругом,
Если тащит,
Если вот он, и гимн,
И душевный подъем.
И ничего что дождик
И сыро,
Ведь неким
Знанием ты уже здесь, на линейке
отмечен.
Расправил плечи,
И мир – гудит прямо в грудь.
Небо – окружность,
а радиус –
вытянутая рука.
Что понравилось?
Все понравилось.
Ничего больше не нужно.

В путь.
Так и быть.
Пока.

1 – 4 сентября 2010

Вид с берега

Собака сидит на привязи,
А вместе с тем – в кресле.
Откуда вывезли,
Интересно?
Да откуда-то из ближайших домов,
Чтобы не в ров,
А вот – сюда,
На задворки.
Да:
Сторожить
Гаражи
Снесли на загорбке.

Кресло как кресло.
Пес как пес.
То облезлое,
А этот – совсем оброс.
И привязь
(Другая разве бы подошла?!) –
Старый пожарный шланг,
Примотанный сбоку,
С торца,
К трубе водостока.

Гараж – двери настежь,
В пасти же –
Совсем ничего.
Черно.
Пусто.
Оттого и охранник
не сильно шустрый.
Дремлет в кресле,
Будто некий наместник,
Если не сам хозяин
Этих окраин.

Значит – вот.
Бункер торгового центра.
Парковка. И сразу за ними – река.

Над рекой – цедра
Осенней листвы.
Огород.
И поле. И облака.

Двое парней веселых
выходят с продуктовой тележкой
Прямоком на проселок.
И идут не мешкая

Куда-то в море бурьяна.
Тележка спотыкается постоянно
На ухабах.
И от этих неслабых
Толчков и вихляний вбок
Кажется, будто волны ее качают.
Трепещет флажок
На железной палке.
Как на мачте.
Нет, правда, попробуйте обозначьте,
Это галки
кругом? Или уже – негативы чаек?
Еще нырок!

На флаге – копейка.
Не «Юнион Джек». Не «Веселый Роджер».
Просто вот же
Он сам,
Одноименный универсам.
«Копейка». Эмблема. Герб
(простите за продакт-плейсмент).
Пес,
Этот старый хер,
Дремлет спокойно в кресле.

Гараж – пуст.
Полдень – тепел.
У дороги – багряный куст.
Над рекой – пожелтевший тополь.

Только тележка плывет

Все дальше и дальше в бурьян.
На остров Буян,
Строго держа курс
Куда-то там к пикнику
С этим вот скарбом
(Питейно-закусочным карго).
Пакеты раздуваются парусами
Очень празднично:
На каждой яме.

И наконец, что-то тихо-тихо звенит
У одного из витязей.
Это мобила давится песней.
«Да здесь мы уже, здесь!»
Где «здесь»? Кто «мы»?
Необъяснимая спесь!
Тем более что берег родимый давно уже крепко спит.

Сидя на привязи.
Лежа – в кресле.

10 – 11 октября 2010

Старая каша на новый лад

1

Это был театр теней.
Назывался «Сладкая каша».
Верней,
Просто дуэт:
Лена и Паша.
А с ними – ширма.
И тени – жирно,
Если к ней
(ну, к экрану из саржи)
Вплотную
Приложены. А так – да ну их:
Не видно даже.
Ни кукол самих. Ни всей этой,
Как ни вперивай,
сбруи.
Ох, прошу прощения: машинерии.

2

Потому, кстати, и саржа,
Объяснили мне сразу же
По окончании смены
Паша и Лена.
Саржа – она не просвечивает.
Так что нечего тут
Даже и думать про шелк или марлю.
(Я и не думал – думать).
Но в мире теней,
(тут я все же подумал) нет ничего кошмарней,
(попросту – невозможней)
Чем обнажение приема.
Ибо за тенью – что?
Просто бесплотность, зёма!
А раз так – то чему ж обнажаться?!
Все – стоп:
Не будем мешать паяцам.

3

Так о чем говорим?

Ах да: театр теней, пьеска по братьям Гримм.
«Черт и Золотой волос».
Чего там по ходу перемололось,
Рассказывать как-то слишком
Глупо: читайте книжку.

Нам с сыном крепко понравился Черт.
Типа – притерт
К изнанке мембраны
Кем-то оброненный носовой платочек
И мечется туда-сюда беспрестанно,
Буквально – куда захочет,
Следуя не за ладошкой (пальцами), а за башкой
(ибо и есть туловище, не иначе).
Причем за башкой кошачьей.
Такой
Как бы шаг в сторону:
От тени – к пятну,
Прочь от четкого силуэта.
И что ни подумай об этом,
Он уже сердце боднул
Своими рогами
(они же – на макушке у кошки ушки).
А ниже –
Могло бы быть что-нибудь
Об урагане.
Чувств.

Нет уж: мчусь
Дальше вперед.
Что там делает кукловод?
Ах, ну да, его не видно.
Паша, хотя человек обширный,
Умело скрылся за ширмой,
А Лена,
человеком с опытом,
Степенно
ведет рассказ:
«В аду было темно и копотно».

Свет, естественно, поугас
Немного.
Герою как раз
В ад и случилась дорога,
Где и добыл
он себе золотой волос.
И вернулся домой, в тыл,
с баблишком.
Опять же – смотрите книжку.
А нет – так смотрите сюда,
В этот трехстворчатый складень,
Где считай что козлиная борода –
На полотняной глади.
И нечто там в горле комом,
Поскольку ведь ширма и впрямь – икона.
И как на иконе –
Все копотно и темно.
Бьется платок в окно.
Окно – из саржи.
Чёрен платок. Но не как сажа.
Не как борода. Или ночь.
А как бабочка – ночью – в форточку,
Где – все ж таки – марля.
Бабочка – которой невмочь
Пробиться туда, в комнату, к свету...
Парни!
Эта –
Летела прочь.

6

Но тоже летела – в комнату.
Во тьму спортзала,
Ибо там, собственно, и давала
Представление для первоклашек
Пара Лена и Паша.
Ну и родители были, естественно.
Учителя.
Вроде тлеющего фитиля –
Гирлянды по стенам,
На парте – сцена,
Прямо под баскетбольным кольцом,

Принакрытым тряпкой,
будто чадрой.
Грядки
Скамеек
На грядках – дети.
Антураж, в общем, самый простой,
Заметим.
Даже музыки не было:
Только флейта –
Это если герой гдей-то
В пути.
Треугольник –
это когда черту вырвали волос
Вон из
Кочашьей его башки
(«Тинь!» И потом еще дважды:
«Тинь! Тинь!» -
прикольно!).
И еще маракасы.
Как потом оказалось – пивные банки.
В одну насыпана манка.
В другую – просо.
Потому что не все так просто.
У каждой крупы свой звук,
Зависящий, кстати, так же и от длины сосуда.
Если вращать им
В режиме –
С ног на голову и обратно
(только очень медленно),
То получится шорох платья,
Весьма приятный,
Или же въедливый
Шорох волны.
Причем мы должны
добавить, что речь пока только о манке.
Но в той же ровно жестянке
Хорошо прокаленным просом
Рисом, перловкой, гречей,
Можно сыграть, как стучат колеса
Или палят картечью.

7

Когда пьеска закончилось,
Мы подошли
И представились «Сладкой каше».
А кто ж откажет
Папе с ребенком?
Естественно – не смогли.
Слова за слово – разговорились.
То да се.
Почему, мол, не дядюшка Римус?
Почему – Grimm?
И есть ли в репертуаре русские сказки?
Ответ был (Лена) таким:
«Я с кем
Ни беседовала, никто
Мне не верит. Думают, что тетенька-неврастеник.
Голова-решето.
Или ей не хватает упорства.
И поди объясни, что просто
русские сказки сопротивляются тени»!
Они пробовали Колобка,
Но так и не вышло пока.
Пробовали Курочка-Рябу,
Но вышло совсем уже слабо.
Может, это тоже вопрос расовый –
Чтобы тень отбрасывать?
Немцы ложатся на тени,
Как хорошие слова на музыку.
Тонкие, ясные, узенькие.
А с теми
- мы снова про Рябу и Колобка –
Задача не так легка.
За здорово
Живешь не решишь.
Шиш!
Потому что тут снова как бы шаг в сторону:
От тени – к пятну.
(А театр пятен –
будет ли
он понятен?)
Либо –

Навстречу нимбу.
Либо – сюда,
В трехстворчатый складень,
Где шарят тенистые невода –
По полотняной глади.
И где не так уж темно
и копотно.
И о чем-то со мной
Шепотом
Болтает волна
У самого у окна.
На воде – тени.
Вот чайки. А вот облака полетели.
Но свет – он ложится пятном
На дно.
Мне сдается –
Что солнце.
И шаг от тени – к пятну.
Это как раз туда –
В глубину.

29 – 30 ноября 2010

Картинки с ярмарки

Родительские заметки о школьном Рождестве

«Рисование пузырями.
10 рублей».

Бумажка пришпилена к шторе.
Вижу. Читаю. Думаю. Но хоть убей,
Как-то не озаряет,
Не отзывается
И не вторит.

У шторы стол.
На столе бумага,
Планшетки из дерева.
Ну и самое главное –
Стаканы с краской.
Подошел
Неторопливым шагом,
Как бы примеривая
На себя новую роль.
Инструкторша, ласково:

«Да-да, попробуйте,
Порисуйте.
Тут все очень просто, по сути».
Дуем через коктейльную трубочку
(вот она!)
В стакан.
Если четко сработано,
Пузыри поднимаются шубой.
Верней – пенной шапкой.
«Чуточку
аккуратней.
Не так грубо!
Хотя ни ратник
И ни лошадка
У нас все равно не получатся. В общем,
Когда шапка взошла,
То чего уже проще:
Берем со стола

Лист
и прикладываем его сверху к пене.
Опять-таки аккуратно,
Чтобы на оттиске не слились
Тени.

Чтоб не дай бог не отпечатался ободок
Стакана.
Чтоб лист не размок
И вода по нему не стекала.

В идеале – выходит такой узор
Отчасти нездешний, что ли.
Оттиск каких-то растительных вакуолей.
Или межзвездных нор.

Пещеристая бестелесность.
Кавернозные облака.
Если честно,
Должна быть набита рука.

У меня – было просто как ванна
После помывки,
Как раковина после бритья.
Пена, всходя, лопалась беспрестанно,
И я
чувствовал, как щиплют щеки,
совсем не шампанские пузырьки.
Беззащитным таким был я прямо
и одиноким.
Одиноким прямо
И беззащитным таким.

Мама! Мама!
Я уже совсем было грустил,
Как вдруг спас меня – Августин.
Не тот, который блаженный,
А просто мальчик лет четырех.
Он подошел вместе с папой.
И сделал не выдох, а вдох.
Втянул в себя через трубочку краску,

Как сок,
И сразу
Все выплюнул на листок.

Папа
Немедленно сгреб его в лапы
И потащил к раковине,
Покрякивая,
Как морж у полыньи,
Принялся отмывать.
Инструкторша бросилась помогать.
Долго-долго моську мыла,
Долго-долго губки терла.
И меня как раз отпустила
Грусть-тоска, взявшая было за горло.

Пещеристая бестелесность?
Кавернозные облака?
Ну, надо же: интереснее
Было не дуть, а лакать.
Наверное, музам нечто польстило
В образе маленького Августина.
Он уперся трубочкой в донце,
Вдохнул –
И теперь вот и моется,
и смеется
Под водопроводный гул.

Шок – прошел.
Всем хорошо.
Потому что и я тоже – почти блаженный.
Такие нелепости – они воистину совершенны!
Как истина – совершенно нелепа.
Ибо слепок
Уже не пойми чего:

Дуй да вей.
Дуем. Веем. И воскуряем:

«Рисование пузырями.
10 рублей».

19 декабря 2010
СКАЗКА НА НОЧЬ
По мотивам «Звездных войн»

Анакаин Скайуокер
Отрубил руку
Графу Дукку.
Потому что этот Дукку
Был страшный злюка.
Какой-то ситх.
Хотя нет, уж если рассказывать,
То от сих и до сих.
Так вот.
Анакаин – породил Люка,
И тому тоже отрубили руку.
Как будто проехал грейдер –
На сей раз это был Дарт Вейдер.
Люку
Он был известен только вот под таким
Именем (а также как – «папа»), хотя Дарт
И был Анакин,
Которому, кстати, тоже (и вполне по заслугам)
Отрубил несколько ранее руку
Учитель его Оби-Ван.
Генерал Кеноби.
«Убиван? – встречается аудитория.
Он всех убивал?»
И удивляется еще больше:
Пиноккио?»
«Нет – Оби-Ван».
«Убивал световым мечом?
Или деревянным носом?»
К черту вопросы!
И без того уже выходит целый роман.
Про Кеноби – больше ни звука.
Потому что Люку –
Как и всем до него (кроме графа Дукку?!)
Приделали после железную руку.
Пареньку удалось подрасти,
И папе он, естественно, отомстил:

Естественно, отрубив руку.
Рука упала со стуком
(потому что и сама была железная, и перчатка)
На пол.
Но тут уже протянул к Люку лапы
(сначала – просто одну руку)
Император (темный, такой же, как некогда Дукку –
Ситх,
Хотя на вид – просто старый псих).
Не покладая рук,
Он пускал из них в мальчика молнии
И разряды,
Мол, так тебе, парень, и надо,
Полно, мол,
Корчить из себя джедая.
Раз не захотел встать на сторону зла –
Получи!
«Папа, я умираю!» -
Вырвалось что-то такое у Люка.
Вейдер, хоть и был до того гадюка,
взял себя в руки.
Встал (нежность, видать, нашла).
А потом – хоть и был уже в смертном обмороке –
взял Император пОд руки
и сбросил в шахту.
Не с бухты-баряхты,
А твердо на это решаешь:
С сыном – важнее связь.

Финальная сцена.
Ночь. И немного ветрено.
Смертное ложе - костер.
Вейдер –
на
Нем,
Объятый огнем.
И наплывом мы видим Люка,
Который уже простер
Куда-то в сторону руку,
В которой горел факел.

Мой сын? Нет, он совсем не плакал.
Он уже спал, не дослушав страшный рассказ
Про руку
(Пеструю,
Черную,
Железную,
звездную – все равно).
Я снял с моего плеча его руку,
Протянул – свою – к выключателю.
Свет погас.
Только пеплом седело окно
И завывала вьюга –
У нас вообще вечно дует с Москва-реки.
Да, и еще где-то по потолку тихо цокали коготки.

Соседская сука...

25 декабря 2010

О прилежании

Весь вопрос – чему прилежать?
Не молиться,
Допустим, и не служить
делу или же лицам
(чернь обхаживать или знать).

Весь вопрос – прилежать чему?
Не к свету топтать
И не спускаться во тьму,
Особенно – вот еще! –
Неким поприщем.
Особенно – тоже мне! –
Если нехоженым.

Это – как дедушка чарочке прилежал,
А, например, кузен – прекрасному полу.
Это изо дня в день, а не вожжа
Под хвост.
Как на работу и в школу,
Но только – всегда веселым.
И - осознанно так,
А не как дурак.

Лично я прилежу – ХЛАМу.
И еще прилежу – ПРАХу.
Как существу сокращений
(Первое: Художники-Литераторы-Артисты-Музыканты;
Второе: Поэты-Режиссеры-Артисты-Художники),
Так и прямо,
Буквально единым махом –
Всякому барахлу,
ветошкам, безделушкам,
как Степка Плюшкин.
В своем медвежьем углу.

Да – хламу просто.
И ничего ты мне не балуй! Ничего не да брось ты!
Прилежу хламу, праху и чепухе,
дичи и чуши.

А что в объезд всяких лекал и схем,
То так даже лучше
Прилежу сору жизни и дрязгу,
Тине ее и ряске,
Родному болоту
И над ним – в некий час – полету.

Наблюдаю,
Подбираю,
Отогреваю

Очень прилежно
Всяческий бурелом и валежник.

Так уж у меня повелось.

Отлично!
Осталось только решить вопрос,
Откуда оно взялось,
Прилежание это?
И если ни тьмы, ни света,
То говорящий и чающий
Разве не был бы – полный осел?
И не была бы
Тогда одна только эта чарочка?
И один этот слабый
Пол?

Прости, но у меня нет ответа.
Извини.
Все.
Я, короче, пошел.

А куда, короче?

Как куда: стараться и прилежать.
Ведь правильно, бать?
А бать?

Или как тебя –
Отче?

Одно и то же

1

Наверное, заскорузлость
Такая сердечная, что ли.
Душевный, что ли, такой изъян.
С каких бы Саян
Или (страшно сказать)
Гималаев
Река б ни неслась, петляя,
Виляя, хлеща и валяя
По пути всякую всячину,
Все время находит прежнее русло.
И снова все схвачено.
И цвет у воды. И толща.
Изъян не изъян,
А если голос реке был дан
(нет, не угадали),
Он всегда об одном и том же.

2

Может, и не красиво.
Может, и самоповтор.
Но петь как-то выходит до тех лишь пор,
Пока некая (может, и злая) сила
Ставит тебя
(Может, и не любя)
Все на те же рельсы:
Катись.
Думая, что воспаряешь ввысь.
Или, наоборот, что низвергаешься.
Целься, не целься,
Ногой опять попадаешь в след,
Колесом – в колею,
Пуля (тут угадали)
Ложится в другую пулю.
Но при этом ее снова встречаешь
Как ту единственную –
свою,
Как то, что не обманули
и сберегли

от горших гораздо бед.

3

Ну а потом – по накатанной:
Прет и катит!
Ну а потом по наезженной –
Полный ход.
Горшки хватаешь из печки ухватами –
Нате!
Рыбу из моря – мережами:
Вот и вот!
Не в банальности дело,
А что не выйти,
Не соскочить.
Только пока паучок на нити
Болтается, есть в нем вот эта смелость
И эта прыть.

4

Нет, не Карузо.
Да, грустно,
Что заскорузлость.
Что меняются только подробности,
А не суть.
Но, может, лишь это и не обманка,
Чтоб не коробился,
Когда говорят: «Ну, снова завел шарманку!»

А только бы ручкой все круть
Да круть?!

5

И даже если изъян,
То скорее врожденный, похоже.
Если в принципе голос дан,
Он всегда – про одно и то же.

29 мая 2011